

НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЕ

Федор Раззаков

Ирина
МОЙСЕЕВА
Андрей
МИНЕНКОВ

Людмила
ПАХОМОВА
Александр
ГОРШКОВ

Людмила
БЕЛОУСОВА
Александр
ПРОТОПОПОВ

Наталья
БЕСТЕМЬЯНОВА
Андрей
БУКИН

Ирина
НИНА
Александр
ЗАЙЦЕВ

Ослепительные победы
наших фигуристов

Федор Раззаков
Непревзойденные

«ЭКСМО»

2014

Раззаков Ф. И.

Непревзойденные / Ф. И. Раззаков — «Эксмо», 2014

Популярность фигурного катания в нашей стране была и остается феноменально огромной. Фантастическая слава пришла к нашим фигуристам в начале 60-х годов прошлого века, когда на мировых катках взошли звезды двух выдающихся представителей советского парного катания: Олега Протопопова и Людмилы Белоусовой. А дальше началось триумфальное шествие по планете наших звездных пар: Ирина Роднина и Александр Зайцев, Людмила Пахомова и Александр Горшков, Ирина Моисеева и Андрей Миненков. Когда эти пары выходили на лед, миллионы людей во всем мире преникали к телевизорам в предвкушении неповторимого зрелища. Их ожидания всегда оправдывались, едва начинали звучать первые такты мелодий. Выступления наших фигуристов под задорную «Калинку» или грациозную «Кумпарситу» заставляли публику реветь от восторга, а судей – выставлять самые высокие оценки. О том, как это происходило, кто ковал славу отечественного фигурного катания в «золотые» 60-е – 80-е годы XX века, – рассказывается в этой книге.

© Раззаков Ф. И., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Фигуристы-беглецы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Федор Раззаков

Непревзойденные

© Раззаков Ф., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Фигуристы-беглецы Людмила Белоусова – Олег Протопопов

Дважды чемпионы зимних Олимпийских игр (1964, Инсбрук; 1968, Гренобль)

Разница в возрасте у прославленных фигуристов была небольшая – всего три года и четыре месяца: Олег Протопопов родился 16 июля 1932 года, Людмила Белоусова – 25 ноября 1935 года.

Протопопов родился в Ленинграде в актерской семье – его мама, Агния Владимировна Гротт, была балериной. А вот отца своего Олег не помнил – он ушел из семьи сразу после его рождения. Поэтому первое время семье было трудно. По словам будущего фигуриста, «мы с мамой жили очень бедно. Я всегда голодный ходил». А когда Олегу не было и шести, началась война.

Всю войну Протопоповы провели в Ленинграде, который был окружен фашистами блокадным кольцом. Агнии Владимировне пришлось сменить балетное платье на халат медсестры в военном госпитале. Сын постоянно находился при ней, видя ужасы войны воочию.

После войны мать будущего фигуриста вернулась на сцену и вскоре вышла замуж. Правда, в мужа себе она выбрала человека не из актерского мира. Это был поэт Дмитрий Цензор (р. 1877). Его первая поэтическая книга вышла в 1907 году и до революции он был достаточно известным поэтом. Критик К. Финкельштейн писал:

«Дм. Цензор стал одним из героев пародийного романа Корнея Чуковского «Нынешний Евгений Онегин» («И Цензор – дерзостный поэт – украдкой тянется в буфет»), с которым в начале 1900-х годов сотрудничал в газете «Одесские новости», а также участником рассказа М. Зощенко «Случай в провинции», где рассказывается, как после революции «однажды осенью поэт-имажинист Николай Иванов, пианистка Маруся Грекова, я и лирический поэт Дмитрий Цензор выехали из Питера в поисках более легкого хлеба». И. С. Эвентов вспоминал, что Дм. Цензор был одним из тех, кто нес на плечах гроб с телом А. Блока в 1921 году».

Не потерялся Цензор и при советской власти. Он периодически печатался в многотиражках, а в 1940 году была издана книга его избранных стихотворений. А перед самой войной он стал парторгом – секретарем партийной организации Ленинградского Союза писателей. Правда, на момент знакомства с матерью Протопопова ему было уже за шестьдесят, но в новой семье он быстро прижился. Хотя счастье было недолгим – в декабре 1947 года Цензор скончался, спустя неделю после своего 70-летия. Однако незадолго до смерти он успел подарить пасынку коньки, которые в итоге и определяют в дальнейшем судьбу мальчика.

Между тем поначалу Протопопов мечтал стать пианистом, поскольку любил классическую музыку. Эту любовь ему привила мать, которая часто брала его с собой на гастроли, и мальчик все свободное время проводил с артистками балетного оркестра. Именно они научили его играть на рояле и на барабане. Свою лепту в это приобщение к музыке внес и отчим, который обладал отменным музыкальным вкусом. Однако стать пианистом Протопопову было не суждено. Когда он решил принять участие в музыкальном конкурсе, проводившемся в ленинградском Доме пионеров, члены жюри почти единогласно объявили ему, что у него нет совершенного музыкального слуха. И это при том, что Протопопов играл на слух произведения Бетховена. Вот тогда и пригодились хоккейные коньки, подаренные мальчику его отчимом.

В декабре 1947 года (за несколько дней до смерти отчима) Олег пришел в секцию фигурного катания, поскольку оно в то время в основном зиждилось на классической музыке. Смотрела новичка тренер Нина Васильевна Лепнинская, которая была воспитанницей легендарного

российского фигуриста, олимпийского чемпиона Николая Панина-Коломенкина. Новичок ничем особенным тренера не поразил, но она, узнав о том, что он любит кататься на коньках, цепляясь крючком за попутную машину, решила взять его в секцию, чтобы отвести от возможной беды – гибели под колесами автомобиля. Протопопову было поставлено лишь одно условие: поменять хоккейные лезвия на фигурные. Но где их найти? В итоге были найдены лезвия на два размера меньше. Но Олег прикрутил их к ботинкам и стал так кататься, что тренер и остальные воспитанники только ахнули.

Под началом Лепнинской наш герой проучился три года и стал перворазрядником. В 1951 году он готовился участвовать в своих первых всесоюзных соревнованиях. Но карьеру фигуриста пришлось на время прервать: в 1951 году его призвали в армию.

Волею судьбы служить Протопопову выпало рядом с домом – моряком на Балтийском флоте. Поэтому зимой все увольнительные он проводил на своем любимом катке. Уже тогда в нем окончательно сформировалась мысль стать фигуристом, но не одиночкой – выступать с кем-то в паре. Его кумирами в те годы была пара Игорь Москвин – Майя Беленькая, вот на них он и ориентировался. И в 1953 году (еще служа в морфлоте) он нашел себе партнершу – Маргариту Богоявленскую. Весной 1954 года они стали бронзовыми призерами чемпионата СССР. Позже О. Протопопов вспоминал:

«Будь там 15 пар, мы заняли бы последнее место. Настолько слабой была наша техника. Но, к счастью, на чемпионате было всего три пары, и мы волей судьбы стали призерами. Когда я показал диплом за третье место в своей военной части, то все начальство сразу прониклось уважением к моим тренировкам...»

Этот успех окрылил молодых фигуристов, и они были готовы покорять новые спортивные вершины. Однако судьбе было угодно, чтобы Протопопов шел к этим вершинам уже с другой фигуристкой – Людмилой Белоусовой. Кто же она такая и как возникла на его жизненном пути?

Белоусова родилась в Ульяновске в семье кадрового военного: ее отец – Евгений Георгиевич – был танкистом. Он прошел всю войну и домой вернулся в звании подполковника. А спустя год перевез свою семью (жену и двух дочек – Люду и Раю) в Москву. Здесь девочки были определены в новую школу, а все свободное время посвящали бальным танцам. Но Людмиле этого было мало, поэтому она еще играла в теннис и каталась на хоккейных коньках. Их мама Наталья Андреевна, будучи домохозяйкой, всячески поддерживала увлечения своих дочерей, надеясь, что рано или поздно из этого выйдет толк.

Фигурным катанием Белоусова увлеклась благодаря кино. В те годы в СССР шло много трофейных фильмов, один из которых – австрийский «Весна на льду» – произвел на нее сильное впечатление. Сраженная наповал виртуозным катанием знаменитой Сони Хенни, Белоусова твердо решила пойти по ее стопам – стать фигуристкой. И практически сразу после посещения этого фильма отправилась записываться в детскую секцию фигурного катания при искусственном катке, который в Москве появился раньше других в стране – в 1951 году.

Однако в детскую секцию ее не взяли из-за большого возраста – ей было 16 лет. Но Людмила не отчаялась и направила свои стопы во взрослую секцию. На ее счастье, тренером там была Лариса Яковлевна Новожилова, бывшая чемпионка страны по спортивным танцам, которая разглядела в абитуриентке несомненный талант. И приняла ее в секцию. А спустя три года Белоусова уже была «общественным инструктором» юных фигуристов в парке имени Дзержинского, а также продолжала заниматься во взрослой группе. Ее партнером в ту пору был Кирилл Гуляев, но он вскоре объявил, что заканчивает со спортом, и Белоусова, не найдя себе достойного партнера, приняла решение выступать в одиночном разряде. Именно в это время судьба свела ее с Протопоповым.

В 1954 году в Москве проходил тренерский семинар, на который из Ленинграда приехал Протопопов. Подавляющую часть приехавших составляли уже опытные и умудренные годами люди, а из молодежи было лишь двое – Протопопов и Белоусова. Естественно, что они позна-

комились и в один из дней вместе отправились на каток. Причем катались отдельно друг от друга. Но ввиду того, что каток был мал и они постоянно натыкались друг на друга, им пришла мысль кататься вместе. И, видимо, так здорово это делали, что один из зрителей, пришедший на каток со своим чадом, выразил им свое восхищение. В итоге в тот вечер они ушли с катка вместе и договорились не терять друг друга из вида – переписываться.

Между тем Протопопов вернулся в Ленинград, а Белоусова осталась в Москве, где начала готовиться к поступлению в институт. В ее планах было покорить Московский энергетический институт, но эта мечта не осуществилась: она сдала на «отлично» почти все экзамены, но по математике умудрилась схлопотать тройку. И конкурс не прошла. После чего отдала документы в Институт инженеров транспорта, куда ее приняли. Однако осенью, начав учиться, Белоусова приняла решение перевестись в Ленинград. Почему? Туда ее позвал Протопопов, который предложил ей не только свои руку и сердце, но и партнерство на льду. В итоге в декабре 1954 года они начали кататься вместе. Причем свою первую программу придумали сами, разучивая музыку под пластинки, которые они проигрывали на радиоле «Урал» (своего магнитофона у них тогда еще не было). Однако их тогдашний тренер весьма скептически смотрел на перспективы этого дуэта. Ему казалось, что эти люди несовместимы не только в жизни, но и на льду: мягкая и уравновешенная Белоусова и беспокойный, постоянно заряженный на движение Протопопов. Но тренер ошибся, и уже спустя год дуэт Белоусова – Протопопов поделили третье-четвертое место на чемпионате Союза с Ниной и Станиславом Жук. Правда, свою ошибку тренер не признал – посчитал бронзовые медали своих воспитанников случайностью. Из-за этого отношения тренера и спортсменов стали ухудшаться. В конце концов они расстались.

Какое-то время Белоусова и Протопопов занимались с новым тренером. Но и это содружество быстро закончилось. В конце концов Протопопов предложил своей партнерше тренироваться самостоятельно, без тренеров. И она согласилась, поскольку привыкла почти безоговорочно доверять своему возлюбленному.

В 1957 году они стали серебряными призерами первенства СССР и мастерами спорта. А спустя год дебютировали на международной арене – выступили на чемпионате мира в Париже (1958). Каток, где проходил турнир, располагался в старом Дворце спорта, который раньше был велотреком. К семи вечера, времени, когда начинались соревнования, народу приходило немного, однако спустя час зал обычно бывал переполнен. Так было и в тот день, когда выступали Белоусова – Протопопов. Кататься было трудно – в зале было накурено, как в пивной. Может быть, поэтому в разгар выступления Белоусова упала, попытавшись сделать шпагат. Сильная боль пронзила бедро, и фигуристка подумала, что сломала кость (рентген потом не подтвердит этого диагноза). В первые мгновения Людмила подумала, что не сможет продолжать выступление. Но затем все-таки собралась, вскочила на ноги и вновь заскользила по льду. По лицу фигуристки градом катились слезы, но она продолжала кататься, преодолевая сильную боль в бедре. Однако из-за маленькой заминки, вызванной падением, музыка ушла чуть вперед, поэтому фигуристы не попадали в такт. Короче, выступление было сорвано. На том чемпионате Белоусова – Протопопов заняли 13-е место из 15 существующих. На мировом первенстве тогда блистали другие пары: Барбара Вагнер – Роберт Поул (Канада), Вера Суханкова – Зденек Долежал (Чехословакия).

Что касается советских фигуристов-парников, то они в тройку призеров тогда ни разу не входили. И нарушить эту традицию придется именно героям нашего рассказа. Но произошло это не сразу. А пока было еще одно неудачное выступление – на чемпионате Европы в Давосе (Швейцария). На этом турнире началось «золотое пятилетие» пары из ФРГ Марика Килиус – Ганс Юрген Боймлер (они завоюют «золото» в 1959–1964 годах, оттеснив Суханкову – Долежала, которые до этого два года брали золотые медали).

Тем временем в начале 1960 года Белоусова – Протопопов отправились на зимние Олимпийские игры в Скво-Вэлли (США) в твердой уверенности, что там им наконец удастся победить. Они приготовили новую программу под знаменитые «Грезы любви» их любимого Ференца Листа. Но грезы оказались всего лишь грезами – нашей паре досталось всего лишь... 9-е место. Череда неудач длилась до 1963 года.

В 1962 году на очередном чемпионате мира Белоусова – Протопопов впервые взяли серебряные медали, уступив лавры победителей чехословацкой паре Мария Йелинек – Отто Йелинек. А год спустя они отправились на чемпионат мира, который проходил на модном итальянском курорте Кортина д'Ампеццо. Туда съехалось множество богатых туристов из ФРГ, чтобы присутствовать на триумфе своих фигуристов – пары Марика Килиус – Ганс Боймлер. Как мы помним, они с 1959 года трижды становились чемпионами Европы, а вот мировая корона им никак не давалась. В 1963 году они рассчитывали эту традицию прервать. Что касается советских пар (помимо Белоусовой – Протопопова на медали претендовали Татьяна Жук и Александр Гаврилов), то их в расчет никто не брал. К тому же несколько месяцев назад (осенью 1962 года) случился Карибский кризис, когда мир стоял на грани ядерной войны из-за конфронтации между СССР и США. Вся западная пропаганда намеренно демонизировала Советский Союз, представляя его неким исчадием ада.

Вспоминает Л. Белоусова: «Что это совсем особые туристы, мы почувствовали, едва вышли на лед. Пара из ФРГ выступала третьей, мы – десятymi. У них были ошибки, и немало, но количество очков, которое они получили, говорило: первое место им обеспечено. Может быть, особую роль сыграло то, что на нас были костюмы из красной материи. Под огнем юпитеров они засверкали, как свежeproлитая кровь. Начало музыки совершенно не было слышно, хотя радист Джованни включил усилитель на полную мощность. Стоя наверху, он делал Олегу знаки, полные растерянности и отчаяния. Часть зрителей, желая сорвать выступление нашей пары, изо всех сил ревела какую-то маршевую песню, улюлюкала. Конечно, кроме «туристов», в зале были и доброжелательно настроенные люди. Но они не могли заглушить десятки зычных глоток, с ненавистью кричавших: «Вы – коммунисты!» Они ждали, что мы уйдем. Но ошиблись.

«Мы будем выступать», – сказал Олег и крепко сжал мне руку. Я кивнула: обязательно будем. Каким-то чудом в этом реве мы услышали сигнал – начало. В первые минуты после нашего выхода на лед наступила мертвая, отчужденная тишина. Затем сначала несмело, потом все громче и громче стали раздаваться аплодисменты.

Мы катались, стиснув зубы. Назло. Пусть все видят. Злость погасила волнение, мы были почти спокойны. И зал понял, что этих двоих не собьешь, не возьмешь голыми руками. Когда мы выходили, к нам протянулось несколько букетов цветов. Это были знаки искреннего восхищения. «Туристы» молчали. Наверное, они и сами были поражены упорством «красных»...»

На том чемпионате пара Белоусова – Протопопов заняла второе место, Жук – Гаврилов – третья. А чемпионами стали те самые фигуристы из ФРГ Марика Килиус и Ганс Юрген Боймлер. К этому времени они были уже пятикратными победителями европейских чемпионатов, призерами Олимпийских игр в Скво-Вэлли (1960). В Кортина д'Ампеццо они откатали хорошо, но не более того. Однако из-за вмешательства большой политики судьи не стали отдавать законное «золото» советской паре и присудили его немцам. Тем более что в памяти многих были еще свежи события вокруг Берлинского кризиса 1961 года.

После мирового чемпионата 1963 года Белоусова – Протопопов решили все свои силы сосредоточить на подготовке к зимней Олимпиаде-64. По обоюдному желанию они решили отказаться от симфоджаза и выступать только под классическую музыку, поскольку только она была способна позволить им выразить все то, что они переживали во время исполнения программы. Классическая музыка настолько плотно вошла в их жизнь, что они не расставались с ней ни дома, ни на отдыхе – например, в столовой или на пляже. С этого момента повысилась

роль Белоусовой, чья женственность и врожденная пластика придавали их катанию невиданную до той поры утонченность. Специалисты писали:

«Для создания новых образов человеку нужен какой-то толчок. Чаще всего для хореографа толчком служит музыка, реже – книга. Раздумья фигуриста над будущей программой в чем-то сходны с работой мысли хореографа. Людмила и Олег слушали музыку, смотрели фильмы, которые они снимали на чемпионатах мира, читали книги. С особым интересом изучали они книгу выдающегося русского балетмейстера Фокина «Против течения». В ней их внимание привлекли и такие строчки: «Возможности создания оригинального – поистине безграничны. Они так же безграничны, как опыт самой жизни, но только тогда, когда танцовщик обладает сильной технической основой».

Взаимосвязь отточенной техники и новых пластических образов была несомненной. Фигуристам хотелось передать движение на льду без малейшего нажима, без малейшего намека на спешку, с полной амплитудой. И они создают один за другим оригинальные элементы, основанные на идеально чистом мягком скольжении. По своему стилю эти комбинации – «магнитная стрелка», вращение «монетка», обводка партнерши за спиной партнера – продолжали то направление, которое было открыто нежным и ажурным танцем «Грезы любви». И вместе с тем в новых элементах ярко выделялась роль партнерши...»

На Олимпиаде-64 в Инсбруке (Австрия) вся мировая печать пророчила успех западно-германской паре Килиус – Боймлер. Сами они также были уверены в своей победе и даже задолго до соревнований участвовали в специальной фотосессии, где их снимали как будущих олимпийских чемпионов. Эти снимки на Олимпиаде продавали зрителям.

Вот и жребий оказался на стороне немцев – они стартовали позже Белоусовой и Протопопова, которые выступали девятыми по счету, после дуэтов Канады, США. Однако то, как они выступили, покорило зал. Они танцевали под музыку Ференца Листа и Сергея Рахманинова (именно с них начнется мода на классику в мировом фигурном катании), и буквально каждый звук их музыки находил вдохновенный отклик в движениях фигуристов. Так продолжалось ровно пять минут – столько длился их номер. А потом было несколько минут оглушительных оваций, которыми зрители откликнулись на это выступление. Однако судьи были покорены не все: большинство дало им высшую оценку (6,0), но были и такие кто показал 5,9. Но последние остались в меньшинстве, поэтому «золото» турнира досталось паре Белоусова – Протопопов. С этого момента началось триумфальное шествие советского фигурного катания на мировой арене. Отметим, что чуть раньше этого – с мирового чемпионата 1963 года – началась и «золотая эпоха» советского хоккея. Короче, мировой лед стал советским.

На чемпионате мира-64 в Будапеште (Венгрия) Белоусова – Протопопов завоевали «серебро», а «бронза» досталась опять же советским фигуристам: Татьяне Жук и Александру Гаврилову. Однако на европейских турнирах наши все еще никак не могли войти в тройку призеров. Но в 1965 году наступил перелом. Белоусова – Протопопов завоевали золотые медали и на чемпионате мира, и на чемпионате Европы. Это было первое советское «золото» в парном катании. Кстати, тот чемпионат мира 1964 года впервые был показан по советскому ТВ, а спустя два года начались регулярные трансляции мировых чемпионатов по фигурному катанию в СССР.

В те годы Белоусова и Протопопов были на вершине успеха – ими восхищались не только у них на родине, в СССР (тысячи мальчишек и девчонок подались в фигурное катание под их влиянием), но и за рубежом. Так, после «золота» на чемпионате мира в Колорадо-Спрингс (США) в 1965 году им предложили сделать турне по США и Канаде. Во время этой поездки не обошлось без курьеза – у спортсменов пропал чемодан. Вот как они сами вспоминают об этом:

Л. Белоусова: «В аэропорту Монреаля пошли получать багаж, а одного из двух наших чемоданов нет. Правда, коньки были с нами. Тогда еще не было столь жестких запретов, как сейчас, поэтому их мы взяли в салон. В пропавшем чемодане лежали миниатюрные золотые

коньки с бриллиантами, врученные за победу на мировом первенстве, чемпионские медали и – самое главное – костюмы! Поискали багаж, ничего нет. А вечером выступление. Что делать? Организаторы засуетились, достали мне красненькое платьице двенадцатилетней девочки – коротенькое и с талией под мышками».

О. Протопопов: «А мне костюм одолжил немецкий одиночник Зепп Шонмецлер. Хороший парень! Издает сейчас в Германии спортивный журнал... Словом, Зепп пришел на выручку, но росточком он пониже меня, штрипки на брюках до щиколоток не дотягивались, рукава на пиджаке запястья не закрывали – смех и грех!»

Л. Белоусова: «В таком виде и откатали «Грезы любви». Я – в платье школьницы, Олег – в «подстреленном» костюме с чужого плеча. А чемодан тогда так и не нашелся – так и улетели ни с чем в Европу!»

О. Протопопов: «В Германии нам предложили шить новые костюмы. Мы обрадовались. По наивности не понимали, что делаем фирме рекламу. Немцы потом везде трубили бы, мол, одеваем чемпионов из Советского Союза... В принципе, мы могли отказаться и не участвовать в показательных выступлениях, тем более повод был. Но Спорткомитет СССР строго за всем следил, не позволял отлынивать, что в общем-то объяснимо: за каждый наш выход на лед организаторы шоу выкладывали колоссальные по тем временам деньги – две с половиной тысячи баксов! Но нам платили всего пятьдесят швейцарских франков. Нет, вру, двадцать пять! Сушие копейки...

К счастью, чемодан все-таки отыскался, его привезли нам в отель. Когда увидел его, первая мысль была: на месте ли медали? Открыл замки – лежат. Сразу на сердце отлегло...»

Л. Белоусова: «Рассказать, почему чемодан в Монреале пропал? В тамошнем аэропорту грузчиками работали эмигранты из Украины. Увидели, что на бирке написаны русские имена и указана страна СССР, и сразу отставили багаж в сторону».

О. Протопопов: «Знали, чей чемодан, рассчитывали сорвать выступление. Антисоветские настроения в украинской диаспоре были сильны...»

Победная тенденция сохранялась у наших героев на протяжении последующих трех лет (1966–1968). Хотя победы эти давались им порой нелегко. Например, на чемпионате мира в Давосе (Швейцария) в 1966 году им было очень тяжело, особенно Белоусовой. Всего за три минуты до начала выступления она внезапно почувствовала себя плохо, к горлу подступила тошнота. Протопопов предложил отказаться от выступления, но партнерша твердо сказала: «Нет». И вышла на лед, бледная как мел. Откатала с каменным лицом, но такая же легкая и воздушная, как и раньше. И судьи дали им высшие оценки.

Второй парой в СССР в те годы были Тамара Москвина и Алексей Мишин (воспитанники Игоря Москвина), но они прекрасно понимали, что всерьез конкурировать с Белоусовой и Протоповым им все же не под силу. Вот как об этом говорит сам А. Мишин:

«Классика предоставляет фигуристу неограниченные возможности. Но в наши с Москвиной времена было абсолютно бессмысленно конкурировать с Людмилой Белоусовой и Олегом Протоповым в классическом катании, красоте линий, отточенности движений, поз. Эта ниша была ими прочно занята. Игорь Москвин и догадался предложить тему, в которой мы бы выглядели наиболее эффектно (под песню в исполнении Э. Хиля «Тирьям-тирьям». – *Ф. Р.*). Та программа полностью соответствовала нашим физическим данным и была абсолютно не похожей ни на чью другую. И воспринималась, что немаловажно, как определенный авангард. Этот номер и сейчас, согласитесь, прозвучал бы нормально...»

«Золотое» время этой пары на мировой арене длилось до 1968 года. Затем настала эпоха Ирины Родниной: сначала в паре с Алексеем Улановым (1969–1972), потом – с Александром Зайцевым. Отметим, что тренером пары Роднина – Уланов был Станислав Жук, который в 50-е годы был лучшим (в паре со своей женой Ниной), но потом стал терпеть поражение за

поражением от пары Белоусова – Протопопов. Но в итоге сумел взять у них реванш, но уже как тренер.

В 1968 году, на зимних Олимпийских играх в Гренобле (Франция), пара Белоусова – Протопопов завоевала свое последнее «золото». Причем опять без тренерской помощи – самостоятельно. Вспоминает О. Протопопов:

«Когда мы впервые стали олимпийскими чемпионами, представитель Спорткомитета СССР (фамилию уже не помню) многозначительно изрек: «Почему вы выступаете без тренера? Нехорошо. Советским чемпионам это не к лицу». Но я ответил: спасибо, не надо, теперь мы и сами справимся. Между прочим, после Олимпиады желающих стать нашими тренерами оказалось пруд пруди! Каждый хотел примазаться к успеху. (Отметим, что одно время с ними работал хореограф Галина Кениг, которая помогала им ставить многие вещи, но это тогда не афишировалось. – Ф.Р.) А Валентин Писеев перед нашей второй Олимпиадой набросился с упреками. Мы тогда уехали со сборов – решили десять дней отдохнуть на Черном море. Узнав об этом, Писеев начал отчитывать: мол, как же так, вы должны были при подготовке к Олимпиаде откатать 104 часа, а получилось гораздо меньше?! Но мы-то лучше знали, когда взять паузу, а когда поработать ударно. И снова стали первыми. Писеев – хреновый мужик, он делал нам много гадостей, выгонял из спорта. Он вместе с Анной Синилкиной, директором лужниковского Дворца спорта, промывал нам мозги в ЦК КПСС, говоря, что мы с Людмилой катаемся слишком театрально, что наш стиль устарел...»

Кстати, что катание Белоусовой и Протопопова устарело, считал в ту пору не только Писеев, но и многие другие специалисты фигурного катания. Этот вид спорта не стоял на месте – он становился все более динамичным, резким. И тот «балет», который демонстрировали на льду герои нашего рассказа, не вписывался в мировую волну, которая накатила на фигурное катание в начале 70-х. Кстати, тогда изменилось не только фигурное катание, но и хоккей – он тоже стал более реактивным и жестким (толчок этому дадут игры против канадских профессионалов осенью 1972 года). В итоге уже в конце 60-х Белоусову и Протопопову стало активно теснить молодое поколение. В 1969 году, на чемпионате Европы, они заняли 2-е место, уступив первую ступеньку пьедестала Родниной – Уланову. Больше в тройку призеров они никогда уже не входили, хотя старались изо всех сил.

Та же ситуация сложилась и на всесоюзных соревнованиях, где наших героев «поджимала» молодежь. Впрочем, сами они считают, что были не слабее молодых, однако судьи всячески списывали их со счетов, намеренно занижая им оценки. Как, например, во время чемпионата СССР в январе 1970 года в Киеве.

К концу турнира (14 января) безусловными фаворитами турнира были Белоусова – Протопопов. Их главные соперники Роднина – Уланов, сорвав поддержку в обязательной программе, проигрывали им 12,8 балла, занимая всего лишь 8-е место. И вдруг после произвольной композиции все перевернулось – вперед вышли вчерашние аутсайдеры. Причем этот рывок вперед многими болельщиками был расценен как явно несправедливый. Почему? Дело в том, что судьи, оценивая выступление Белоусовой – Протопопова, явно намеренно занизили им оценки за артистизм. В итоге они с первого места скатились на 4-е (2-е заняли Людмила Смирнова – Андрей Сурайкин).

В тот день, когда это произошло, большая часть зрителей, собравшихся в Киевском Дворце спорта, встретили судейский вердикт продолжительным свистом. Это возмущение длилось несколько минут, при этом шум был таким, что другие фигуристы не могли начать свои выступления. Главный рефери Кононыхин в попытке успокоить зал объявлял: «Решение судейской коллегии окончательное и обжалованию не подлежит», что вызвало еще большее возмущение. Подобных инцидентов советское фигурное катание еще не знало. Публика стала дружно скандировать и требовать выхода на лед Белоусовой и Протопопова. А те в это время сидели абсолютно подавленные в раздевалке. Наконец дирекция Дворца спорта не выдержала

и попросила их выйти к публике, успокоить ее. Фигуристы вышли на лед и, в благодарность за поддержку, низко, по-русски, поклонились зрителям. Людмила Белоусова при этом плакала. Как вспоминает О. Протопопов, «возвращаясь в раздевалку, встретили Петра Орлова, бывшего тренера Станислава и Нины Жук, который никогда не питал к нам симпатий. Он протянул мне руку и сказал, что сочувствует нам. Я руки ему не подал, вежливо сказав, что никаких сочувствий нам не надо. Потом один наш приятель вспоминал, что Орлов, возмущаясь судейством, сказал: «Я бы этого Протопопова своими руками задушил, но три десятки ему – отдай!» Он имел в виду занижение нам оценок за выступление в Киеве...

Через 16 лет Уланов признался, что тогда уже планировалась их золотая медаль на Олимпиаде в Саппоро. Поэтому они не должны были никому проигрывать, тем более нам...»

Этот скандал имел настолько большой резонанс, что скрыть его было невозможно. Однако размусоливать его, конечно, не разрешили, отделавшись короткой репликой в «Комсомольской правде» от 16 января. Заметка называлась «Почему волновались трибуны?», и автором ее был некий инженер-конструктор из Лобни А. Кузин. В статье вкратце описывалось, как зрители устроили обструкцию судейскому решению о занижении оценок паре Белоусова – Протопопов, и приводились слова Кононыхина, сказанные им в адрес этой пары: «Но это спорт, у него свои возрастные законы, к сожалению». Эта оговорка рефери ясно указывала на то, что все происшедшее отнюдь не случайность. Видимо, руководство Спорткомитета руками судей собиралось прекратить гегемонию «стариков» в фигурном катании.

Как показали последующие события, приход молодежи пошел во благо советскому фигурному катанию – его гегемония на мировых спортивных аренах стала еще сильнее и продолжалась почти два десятка лет.

Итак, в чемпионате СССР 1970 года Белоусова – Протопопов заняли 4-е место и не попали в сборную страны. На чемпионате СССР-1971 они заняли 6-е место, снова оставшись за бортом национальной команды. Впрочем, и тогда без интриг не обошлось. По мнению некоторых специалистов, судьи были явно предвзято настроены по отношению к паре Белоусова – Протопопов. Например, сотрудник журнала «Физкультура и спорт» Аркадий Галинский в газете «Советская культура» подверг сомнению результаты чемпионата страны, на котором присутствовал как корреспондент. По его мнению, фигуристов попросту «сплавили». А чтобы избежать ненужных свидетелей и замести следы, даже отключали телетрансляцию якобы по техническим причинам. Именно из-за этой публикации Галинский был уволен и на семнадцать лет отлучен от спортивной журналистики. Главный редактор журнала Николай Тарасов попытался прийти на выручку своему бывшему сотруднику, и его тут же сняли.

Следом за этим грянул еще один скандал. Он случился в январе 1972 года. На носу были очередные зимние Олимпийские игры (они начинались через месяц в японском городе Саппоро), а Белоусову и Протопопову туда не взяли. Причем это решение было принято не кулуарно, а после совета с шестеркой лучших тренеров страны (Жук, Чайковская, Кудрявцев, Тарасова, Москвин, Писеев), которая пятью голосами против одного (это был Москвин, который консультировал Белоусову и Протопопову) проголосовала против того, чтобы брать «звездную» пару на Олимпиаду. Тех это решение возмутило, поскольку сами они считали себя вполне конкурентоспособными.

Между тем правда заключалась в том, что их время все-таки уже уходило. Они побеждали на Олимпиадах в Инсбруке (1964) и в Гренобле (1968), но затем перестали быть лидерами. На чемпионат Европы 1971 года они не попали, поскольку сил на хороший результат у них уже не было. В том же году они выступали на Спартакиаде профсоюзов в Первоуральске и не смогли хорошо откатать программу – постоянно падали и только и делали, что догоняли друг друга после падений. Так что решение не брать их на Олимпиаду не стало чем-то сенсационным для специалистов фигурного катания. Но сами фигуристы посчитали это оскорблением.

В середине января они пришли к руководителю Спорткомитета Сергею Павлову, чтобы уговорить его изменить свое решение. Далее послушаем рассказ одного из участников тех событий – Валентина Писеева, который в те годы руководил фигурным катанием:

«Белоусова и Протопопов пришли в кабинет Павлова. Людмила пустила слезу, и они оба стали упрашивать Павлова изменить решение. Тот спросил: «Вы уверены, что завоюете «золото»?» Протопопов нетвердо ответил: «Да... Во всяком случае, будем в тройке призеров». Павлов снова спросил: «А если не попадете в тройку, что тогда? Может такое быть?» Знаете, что сказал Протопопов? Что они точно будут в шестерке! Мол, олимпийской сборной нужны зачетные очки, вот они и внесут свою лепту в общую копилку. Павлов чуть не поперхнулся. Я видел это, поскольку тоже присутствовал при этом разговоре. Сергей Павлович дал им понять, что лучше уйти из спорта красиво. Что для спортивного руководства страны доброе имя Белоусовой и Протопопова дороже, чем те два очка, которые они принесут сборной СССР, если займут на Олимпиаде пятое место (за шестое дали бы очко). Они, кажется, не поняли. Дошли до Кирилла Мазурова, члена Политбюро ЦК, и уже тот обрабатывал Павлова. Не получилось...»

А вот как эти же события описывает О. Протопопов: «Дело прошлое, сегодня, наверно, немногие помнят, но мы готовились к Олимпиаде-72, собирались ехать в Саппоро. Фаворитами считалась пара Роднина – Уланов, вторыми шли наши ученики Смирнова – Сурайкин, мы же могли рассчитывать на твердое третье место. Как минимум. Помню, убеждал Сергея Павлова, главного спортсмена страны: «Есть шанс занять весь олимпийский пьедестал почета! Нельзя упускать возможность». Наивный придурок! Это я о себе... Нас никуда и не думали везти: «бронзу» в парном катании уже пообещали команде ГДР, а за это немцы пообещали поддержать Сергея Четверухина в соревнованиях одиночников, где позиции СССР были послабее.

По сути, нас продали, хотя по форме все выглядело вполне прилично. Перед Олимпиадой собрался тренерский совет и... Никто не поддержал наши кандидатуры. Игры выиграли Роднина и Уланов, хотя должны были побеждать Люда Смирнова с Андрюшей Сурайкиным, которым мы ставили произвольную программу. Они откатали чисто, а Уланов не выполнил обязательный элемент, не прыгнул двойное сальто, что являлось грубым нарушением. Тем не менее судьи простили ошибку. Сейчас такой фокус не прошел бы...»

Что можно сказать по поводу этих слов. Сегодня уже ни для кого не секрет, что в спорте частенько мухлюют – так было раньше, так происходит и сегодня. Причем неважно, о каком виде спорта идет речь – о фигурном катании, футболе или хоккее. Здесь стоит отметить другое. Вот Протопопов уверенно заявляет, что советские спортивные власти были в сговоре со своими коллегами из ГДР, чтобы те «натянули» лишние баллы Сергею Четверухину. Могло такое быть? Безусловно. Однако могло быть и другое: что самому Протопопову и его партнерше на каком-нибудь чемпионате мира или Европы некие судьи, вступив в сговор с советскими функционерами, также «натянули» баллы. И они стали чемпионами. Вот и получается: разоблачая других, фигурист невольно ставит под сомнение и свои собственные достижения. Вполне возможно, что именно подобная откровенность больше всего не нравилась спортивным чиновникам (а кому понравится, когда кто-то выносит сор из избы?), и они сделали все возможное, чтобы пара Белоусова – Протопопов поскорее ушли на пенсию. Произошло это в 1972 году.

В апреле Белоусова – Протопопов принимали участие в своих последних официальных соревнованиях – чемпионате СССР. Причем на нем не было сильнейших пар, однако даже при таком раскладе героини нашего рассказа не смогли прыгнуть выше головы – заняли лишь 3-е место. После чего приняли решение покинуть любительский спорт. На тот момент Протопопову шел 40-й год, Белоусовой – 37-й. Однако, уйдя из большого спорта, они не расстались с фигурным катанием – работали в Ленинградском балете на льду. А также передавали свой опыт молодым фигуристам.

Вспоминают Н. и Л. Великовы: «У Олега Протопопова всегда была такая душевная потребность: делиться тем, что у него есть. И для этого он собрал вокруг себя компанию моло-

дых ребят, единомышленников. В ней были очень известные люди: Валентин Николаев, ныне очень известный тренер, в Америке работает, Елена Морозова, Людмила Смирнова, покойный Андрей Сурайкин. Еще несколько человек, чьи фамилии, наверное, сейчас ничего никому не скажут. И мы с Людой...

Протопопов часто выезжал за границу – а потом, когда возвращался, показывал такие вещи, которые у нас никто не видел. Как люди тренируются, как катаются. У нас ведь был в то время полный архаизм – методики времен Панина...

Олег, человек абсолютно не жадный, бескорыстный, давал нам, голи перекатной, свой магнитофон, проектор, делился записями, пленками. Поддерживал нас во всем. Протопопов катался на маленьком катке, на Васильевском острове, в церкви на набережной. Всего 16х16 метров. Это его был личный фактически лед, он мог там кататься один. Но приводил с собой всю эту нашу банду. Мы выходили оттуда в пене и в мыле, но при этом Протопопов требовал, чтобы мальчишки были в бабочке, в белой рубашке и в отглаженных брюках. Эластика тогда еще не было, поэтому к каждой тренировке приходилось гладить штаны. И это нас воспитывало. Эта его школа осталась на всю жизнь...

Олег нам давал слушать музыку, под которую катался, рассказывал о своих программах, пытался нам передать свое видение фигурного катания. Это дело всей его жизни. Так, как он, никто не воспринимал фигурное катание в наше время. Он был с детства этой «бациллой» заражен, и она его не отпустила до сегодняшнего дня. Протопопов и сейчас на льду, сам катается, кому-то помогает. Потрясающий человек...»

Итак, после ухода из большого спорта Белоусова и Протопопов выступали в Ленинградском балете на льду. А в 1977 году их пригласили в шоу, проходившее в нью-йоркском «Мэдисон Сквер Гарден», и заплатили за выступление 10 000 тысяч долларов. Очень приличные деньги! Причем американцы всю сумму выдали наличными, фигуристы привезли ее в Москву и, не декларируя, сдали в Госконцерт. А взамен получили по 53 доллара 25 центов (при потолке в 75 долларов. – *Ф. Р.*). В соответствии с установленной в СССР артистической ставкой.

Заметим, что почти все советские артисты, дававшие гастролы за рубежом, должны были отдавать львиную долю выручки советским финорганам. Впрочем, не только артисты. Например, знаменитый хоккейный вратарь Владислав Третьяк как-то снялся в американской рекламе и был удостоен гонорара в 50 000 долларов. Однако почти все отдал родному государству и ни слова упрека ему не сказал, поскольку понимал: таковы правила. Не он их установил, не ему их отменять.

А вот Владимир Высоцкий в январе 1979 года дал незаконные (не согласованные с советскими властями) гастролы в США и заработал на этом 38 000 долларов. И ни цента государству не отдал, сославшись на то, что деньги, мол, нужны на лечение его жены – французской коммунистки. И советские власти ничего ему поперек не сказали, и он как ни в чем не бывало продолжал свои зарубежные поездки. То есть избранные люди в СССР тоже были. Хотя Высоцкого у нас многие до сих пор считают «жертвой режима».

Но вернемся к героям нашего рассказа.

В 1979 году Ленинградский балет на льду должен был отправиться на гастролы по Бразилии. Там Белоусовой и Протопопову должны были платить по десять долларов за выступление. Планировались трехмесячные гастролы по стране, и от фигуристов требовали кататься на площадке размером четырнадцать метров на двадцать восемь. Скажем прямо, для фигурного катания размер небольшой, что чревато самыми непредсказуемыми последствиями. В итоге дело закончилось плачевно.

Наши герои выступали в Челябинске. Лед там был очень хороший, пара каталась с удовольствием, но законы аэродинамики не обманешь: площадка маленькая, им попросту не хватило места. Протопопов по привычке разогнался, а двигаться некуда. Упал на бок, его партнерша полетела в рампу, ударилась плечом, коленом, головой. Потом два месяца лежала в

больнице – выкарабкивалась. Тогда Протопопов и сказал: «Все, хватит!» Лед шуток не прощает. И пренебрежительного к себе отношения не терпит. И они прекратили тренировки на маленьких катках.

Во второй половине 70-х супруги собрались было вступить в ряды КПСС, но их не приняли. Почему? Вот как они сами вспоминают об этом.

О. Протопопов: «Мы пытались вступить, чтобы иметь хоть какую-то защиту. Три года ждали очереди, но нас так и не приняли. Сказали, мол, партия рабоче-крестьянская, среди кандидатов есть не менее достойные люди, чем вы. Да, с нашей стороны это был конъюнктурный расчет. А что оставалось делать? Мне уже исполнилось 47 лет, в любой момент могли отправить на пенсию, как Володю Васильева. Выперли из Большого театра и не охнули. Так и с нами поступили бы».

Л. Белоусова: «Мы написали заявления, взяли рекомендации у Тамары Москвиной, директора питерского Дворца спорта «Юбилейный» Сергея Толстихина, но ничего не помогло».

О. Протопопов: «Даже имена на афишах не выделяли, писали в списке кордебалета по алфавиту: Люду – в начале, меня – ближе к концу. Я спрашивал: почему так? Отвечали, мол, в стране дефицит бумаги, никто специально для вас ничего печатать не будет. В глаза говорили: «Здесь вы никому не нужны». Правда, когда балет собрался на гастроли во Францию, информацию о двукратных олимпийских чемпионах набрали крупными буквами в самом центре афиши. Бумага быстро нашлась. Но мы от поездки отказались. Из принципа. Для дирекции это был настоящий шок, однако рекламу они все равно снимать не стали, обманули французов...»

А потом наступила осень 1979 года, когда Белоусова и Протопопов решились на бегство из СССР. Почва для этого уже была унавожена как в личном плане (слишком много обид у фигуристов накопилось к спортивным чиновникам), так и в идеологическом. Дело в том, что, после того как в августе 1975 года СССР подписал Хельсинкские соглашения и провозгласил политику сближения с Западом (разрядка), началась медленная, но неотвратимая вестернизация страны. Все больше советских людей стали воспринимать капиталистический мир не как враждебный себе, а наоборот – как дружественный и более продвинутый. Особенно стремительно вестернизировалась советская элита, в том числе и творческая. И хотя советская власть во второй половине 70-х сделала ряд шагов, чтобы сбить этот процесс (повысила гонорары деятелям культуры, сняла ограничения в деле улучшения жилищных проблем, а также стала более охотно отпускать их в заграничные турне), однако советская действительность все равно не могла конкурировать с западной. В итоге с конца 70-х число желающих покинуть страну в среде советской творческой элиты увеличилось в разы. Причем люди использовали любую возможность, чтобы уехать: кто-то добивался этого законным путем (через заграничных родственников и знакомых), а кто-то попросту бежал, едва такая возможность предоставлялась. В те годы рок-группа «Воскресенье» написала по этому поводу песню, где были такие строчки:

...То ли птицы летят перелетные,
То ли крысы бегут с корабля.

Во второй половине 1979 года таких побегов из СССР случилось два. Первым, в августе, сбежал молодой балерун Большого театра Александр Годунов. Он считался восходящей звездой советского балета, кроме этого снимался в кино: в ночь на 1 января 79-го по ЦТ состоялась премьера телефильма «31 июня», где Годунов сыграл одну из ролей. Короче, у молодого артиста впереди были достаточно неплохие перспективы в профессии, однако сам он посчитал иначе: ему показалось, что на Западе он достигнет гораздо большего, чем у себя на родине. В итоге во время гастролей по США Годунов сбежал из своей труппы и попросил американские

власти дать ему возможность остаться в Америке. Те эту просьбу удовлетворили, поскольку любой перебежчик из СССР был для них желанным и мог принести им значительную пользу в пропагандистских баталиях «холодной войны».

Спустя месяц после этого побега случился еще один – с участием Белоусовой и Протопопова. Такая возможность им предоставилась, когда ледовое шоу Ленбалета отправилось в очередное заграничное турне – в Швейцарию. Фигуристы вспоминают:

Л. Белоусова: «Я взяла с собой швейную машинку. Заказывать костюмы для выступлений было очень дорого. Здесь тоже шила себе и Олегу, иногда помогали сестра и соседка-портниха, но там на подмогу не рассчитывала...»

О. Протопопов: «А я набрал книг по искусству и видео пленок. Получился дикий переувес, но, к счастью, в аэропорту наш багаж детально не досматривали, мы заплатили за лишний груз и сдали чемоданы. Провожал нас в Шереметьево дальний родственник, который ничего не знал о том, что мы задумали. Впрочем, об этом никто не догадывался. Даже моя мама и сестра Люды. Если бы проговорились, все могло рухнуть. Маме я позвонил уже из Швейцарии. Она сказала единственную фразу: «Не приезжайте сюда как можно дольше».

Когда проходили регистрацию на рейс до Цюриха, к нам подошла группа людей, тоже куда-то улетающих. Мол, дайте автограф. Я расписался на протянутых листках и спросил: «Кому еще? А то, может, в последний раз...»

Л. Белоусова: «Потом еще была ситуация. Мы уже приготовились ехать к самолету, но автобус долго не трогался. Команда сверху не поступала, минут сорок продолжались непонятные переговоры. А тут еще видим: тяжеленный чемодан Олега на борт забросить не могут. Представляете, наверное, наше состояние...»

О. Протопопов: «Все же взлетели, а я шепчу Людмиле на ухо: «Еще не конец. Мы на советской территории. Эти люди способны на что угодно». И в самом деле: приземлились в Цюрихе, открылся люк, а на трапе – человек. «Товарищ Протопопов? Вам нужно срочно позвонить в посольство». Спрашиваю: «Что случилось?» Слышу в ответ: «Вы должны сообщить, где будете находиться». Я честно связался. Но сперва позвонил родне и сказал, где лежат инструкции, что надо экстренно сделать. Понимал: сразу после известия о бегстве наше жилье в Питере опечатают, хотел, чтобы близкие успели забрать себе оттуда самое ценное. В нашу квартиру быстренько кого-то вселили, гараж у помойки подарили знаменитому дирижеру Евгению Мравинскому...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.